

В номере:

□

Сны

о Сосноре

□

Стихотворения

Таисии Гуськовой

и Владимира Алейникова

□

Прозаики

Поэтограда

□

Пьедестал

Поэтограда

НОВОСТИ

НОВЫЕ ПЕРЕДАЧИ ТЕЛЕКАНАЛА «ДИАЛОГ»

На телеканале «Диалог» (<http://tv-dialog.ru/>) появились новые передачи. В частности, в программе «Библиотека Евгения Степанова» — интервью с поэтом Ниной Красновой.

Прозаик Анастасия Чернова дебютировала как ведущая программы «Знание — сила». А Нателла Мирзаянц создала передачу, посвященную здоровому образу жизни.

Телекомпания «Диалог» (основатель и руководитель — Евгений Степанов) создает фильмы о тех людях и фирмах, которые добились значимых результатов в жизни.

Редакция сама принимает решение — о ком снимать сюжет.

Мы делаем программы для ТВ, Интернет-ТВ, создавая галерею образов наших современников.

Телекомпания «Диалог» — это разговор с обществом, государством, церковью, писателями и художниками, деятелями культуры и науки, мастерами всевозможных профессий... Это общение представителей самых различных слоев общества.

Наш девиз заключен в словах поэта Евгения Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет!»

**Пресс-служба
телеканала «Диалог»**

НОВОСТИ ПОЭТОГРАДА

УЧИТЕЛЬ КОРОЛЕЙ

В Красноярске в октябре 2012 года в пятый раз за десять лет прошел краевой конкурс «Король поэтов». Приз конкурса — издание пяти книг для занявших первые пять мест и титул красноярского короля (или королевы) поэтов для занявшего первое место. Более одного раза королем (или королевой) по правилам конкурса стать нельзя. Состав жюри меняется не только из года в год, но и во время самого проведения конкурса. В открытом голосовании после выступления претендентов принимает участие весь зрительный зал. В конкурсе за это время приняли участие многие сотни поэтов со всех уголков Красноярского края. И в пятый раз подряд все десять лет со дня основания конкурса королями и королевами поэтов становятся участники тех литературных объединений и студий, которыми руководил Эльдар Ахадов! Назовем их имена: Игорь Потехин, Владимир

Казанцев, Рустам Карапетьян, Наталья Арбатская и Евгения Крылова. И это несмотря на то, что уже три года Эльдар Алихасович вообще не находится на территории края! С уверенностью можно сказать о том, что если этот рекорд и удастся кому-либо превзойти, то произойти это теперь может не раньше чем через 12 лет. Помимо того следует добавить, что среди воспитанников писателя, которыми он по праву гордится, есть и победители всероссийских конкурсов, и члены Союза писателей России...

Алексей СУЛТАНОВ
На фото Эльдар АХАДОВ

ХОРОШИЙ ПОВОД ДЛЯ ТВОРЧЕСКОЙ ВСТРЕЧИ

Поэты в большинстве своем люди замкнутые и противоречивые. Одна из главных противоречивых поэтических черт: вопреки прозаичной современности и собственной замкнутости, поэты любят собираться вместе и читать стихи. Самое главное, чтобы для этого имелся хороший повод, так как не в любое время и не в любой компании хочется выступить.

И вот хороший повод нашелся. 21 октября в кафе-клубе «Шадо», что на Ленинском проспекте, состоялся поэтический вечер «Осенние чтения», организованный в честь дня рождения Александра Орлова. В чтениях приняли участие: Сергей Арутюнов, Амирам Григоров, Сергей Брель, Евгений Степанов, Григорий Горнов, Ольга Воронина, Ольга Аникина, Матрона Борисова, Екатерина Ратникова и, разумеется, сам именинник. Обстановка кафе, расслабленная атмосфера, импровизированная сцена — хотя и с микрофоном, но полутемная и

не приподнятая относительно зрительских мест... Вечер отличался как от «официальных» мероприятий в строгих залах, так и от «подвально-подпольных» чтений, тоже сейчас распространенных. Отличие — не только в том, что многие из названных авторов в принципе крайне редко выступают публично, но и в свободе гостей и слушателей: кто хотел, настраивался на поэтическую волну, другие же могли сразу приступить сперва к поздравлению, а потом к общению и празднованию на втором этаже кафе. В любом случае, всем пришедшим здесь были рады.

Замечательный вариант празднования дня рождения — в относительно узком кругу друзей, в веселой и творческой обстановке. Да и что, в самом деле, может быть более искренним и хорошим подарком, чем стихи?

Елена АТОЛОВА
На фото Александр ОРЛОВ

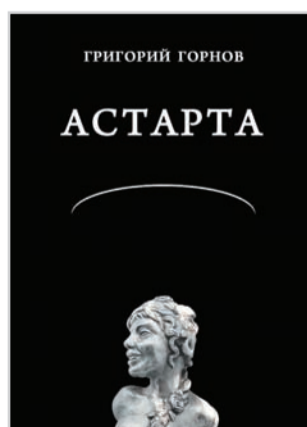
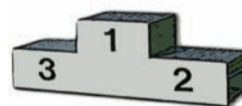

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

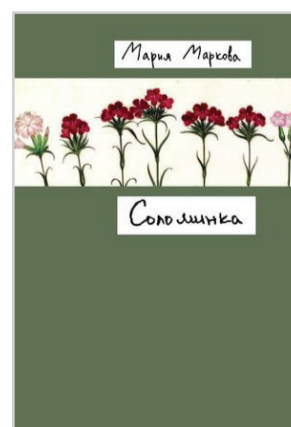
Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Григорий Горнов
«Астарта»
М.: Вест-Консалтинг, 2012

Алла Козырева
«Я верю в расписание Бога»
М.: Вест-Консалтинг, 2012

Мария Маркова
«Соломинка»
М.: Воймега, 2012

НОВОСТИ

БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ БИБЛИОТЕКАРЕЙ

Сердечно благодарю Евгения Викторовича Степанова и дружный коллектив издательского центра «Вест-Консалтинг»

за безвозмездный дар Централизованной библиотечной системе Кимрского района Тверской области всех номеров журналов «Дети Ра» и «Зинзивер», а также газеты «Литературные известия» за 2012 год. Ваши издания пользуются заслуженной популярностью у читателей, мы с нетерпением ждем новые Ваши журналы и газеты.

**Директор МУК
«ЦБС» Л. И. ИВАНОВА**

ЭКСКЛЮЗИВ ПОЭТОГРАДА

АЛИНА ДИЕМ
СОН О СОСНОРЕ

1

Некоторые герои писательницы Лидии Добринской оживали и уходили в люди в буквальном смысле. С недавнего времени писательница Лидия Д. (в дальнейшем будем называть ее так для краткости) за собой эту странность замечала, но храбро бралась за создание новой истории, увеличивая население Питера. К счастью, выходили в люди не все литературные герои ее детективных романов, но ей самой было безумно интересно, кто же на сей раз оживет под ее умелым пером.

В среду 23 октября 2002 года писательница столкнулась нос к носу с вымышленным героем в самых обычных обстоятельствах. Сломался замок на входной двери. Замок заело, когда она в ботах и плаще собралась на ежедневную прогулку в свой неизменный час — в четыре пополудни, как она сама говорила, подражая старому слогу.

Особенного беспокойства Лидия Д. не почувствовала: — Погуляю поменьше. Хорошо, что изнутри не открылся, до прогулки.

Она позвонила по телефону из рекламного листочка, недавно заблудившись оставленного в почтовом ящике фирмой «Двери, замки, срочный ремонт и установка». Любезный женский голос записал ее имя и адрес и обещал помочь в течение часа.

И тут ей пришло в голову, что именно в этот час, дожидаясь помощи в запертой квартире, она должна (?!) перечитать стихи из новой книжечки, подаренной ей приятельницей еще в июле и тогда мгновенно прочитанной, но отложенной «до созревания», как она любила делать со стихами, и что именно сейчас наступила их пора, потому что название книжечки как нельзя более подходило случаю — «Двери закрываются».

К стихам Лидия Д. относилась трепетно, ибо сама их писала и в душе оправдывала все стихи всех поэтов, даже графоманские и пустые у самых неказистых поэтов. Каждую новую книжечку стихов, попавшую ей в руки, она воспринимала как дар и тут же с замиранием открывала наугад — погадать. Взгляд выхватывал строфу или катрен, сердце сжималось — каждый раз это было что-то мистическое, как ей казалось. По девчоночьей привычке она отмечала на полях волнистой линией эти строки, невольно запоминала, и, случалось, много позже они всплывали в памяти в какой-то, только им соответствующий момент, и холодок пробежал по спине от точного предсказания.

Она нашла на полке тоненькую беленькую брошюрку с красными буквами на обложке и открыла на отмеченном волнистой линией месте:

Не верь. Дождь идет.
Он уже шел на моих страницах не меньше,
чем из
и вниз.
Ну и что же, что шел, и опять идет,
прыгун с шестом.
Он идет и идет — высуну руку из стекла,
мало-точками стукая — он,

сея яды, гудя и плюя,
как «Хаос»,
«все вода» (Фалес),
но не «да» (Тезтет).
А дуда?

«Свои», гадательные, строчки в этой книжечке оказались седьмым фрагментом из «Золотого Носа» в книге стихов Виктора Сосноры. Она помнила, что они оставили по себе смутное недоумение, предчувствие чьей-то болезни, узвание «своего» поэта и воспоминание о его глухом, ритмичном, но странном, без модуляций, голосе.

2

(Николай Асеев:

«...никто не обращает внимания на мое открытие: мера стиха есть дыхание, а не метр и ритм. Что раньше и называли вдохновением, позже потерявшим точный смысл термина и превратившимся в формальное словечко».)

Теперь взгляд прежде всего отметил имена — Фалес, Тезтет. Ну, Фалес — имя знакомое, как-никак память сохранила шпаргалку — отец философии. К тому же Лидия Д. тоже грешила в студенческой юности употреблением имен древних греков и римлян в своих стихах.

Кажется, у нее это звучало так:

Фалес, как лес,
и все в нем есть...
если Платону довериться,
то есть и Фалес

Правда, больше ничего про Фалеса и не вспомнилось, что легко себе простила, — она училась не на философском факультете, как Соснора, а на филологическом.

Лидия Д. улыбнулась, вспомнив курс истории философии, — толстенный рыженький шульман весело поглядывал на студенток на своих лекциях и заливался искренним смехом, слушая их ответы на экзаменах. Соснора — эстет и сноб, философский не закончил, четыре года слушал лекции по философии, а все остальное игнорировал... вы можете представить Соснору, сдающего научный коммунизм на госах?

У Сосноры:

«все вода» (Фалес),
— Ну, это тонкости и точности, доступные только философам. К тому же и Тезтета не знаю, придется лезть в интернет. Кстати, Тезтет — интернет — неплохая рифма. И все-таки начну с Фалеса.

Из знатного рода, жил в Милете, получил хорошее образование, ионийский мудрец, — без сомнения, потому что много путешествовал и был торговцем. Говорят, Фалес учился у египетских жрецов Фив и Мемфиса, откуда вывез геометрию в Грецию, ведь жил еще в 5-6 веке до новой эры, когда греки как-то обходились без геометрии. Сочинения Фалеса не сохранились,

хотя их было будто бы всего двести стихов гексаметром. И тут приходится верить Проклу, Аристотелю, Геродоту, Плутарху.

Лидию Д. более всего из прочитанного о Фалесе поразила фраза, что Фалес первым указал, что луна светит отраженным светом, о чем она не догадывалась, прожив в конце двадцатого века уже ... много лет. Лидия Д. старалась не думать о своем возрасте и при случае говорила — увы, за пятьдесят.

Вот тебе и луна, вот тебе и Фалес-молодец! Двадцать пять веков все знают о фальшивом лунном свете, а она не удосужилась прочитать хотя бы астрономию для любознательных, — укорила себя бедная писательница.

А не понравился ей Фалес тем, что установил продолжительность года и разделил его на 365 дней. Со временем у Лидии Д. были свои счеты, и тут она с Фалесом категорически не согласилась. Деление времени на отрезки казалось ей плохой идеей, тупиком, а часы и календари она не любила и считала глупостью. Она чувствовала время не линейно, а объемом, впрочем, ей никак не удавалось точно выразить свои представления о времени и для себя она сначала определила время как бесполезную условность, ошибку мышления, а потом она додумалась до отрицания времени — нет никакого времени. А теперь и виновник ошибки нашелся — грек Фалес. Ведь мог же он ошибиться двадцать пять веков назад, определяя год? Мог.

Отрицание времени, до которого Лидия Д. додумалась сама, (видит Бог!) она позже встретила у алмазного Катаева: «Только что я прочел в черновых записях Достоевского: «Что такое время? Время не существует, время есть цифры, время есть отношения бытия к небытию»...

Я знал это уже до того, как прочел у Достоевского. Но каково? Более чем за сто лет до моей догадки о несуществовании времени! Может быть, отсюда моя литературная

3

«раскованность», позволяющая так свободно обращаться с пространством.»

И холодок пробежал у нее по коже: все повторяется, даже мысль...

Единственное, с чем пришлось смириться, это наличие темы времени у поэтов всех времен и народов. И когда случалось читать хорошие стихи о времени, она радовалась, хотя и думала иногда, что лучше бы поэты писали о бабочках.

Идею первоначально, предложенную Фалесом, Лидия Д. обдумывать не стала и перешла к Тезтету.

Тезтет Афинский оказался видным древнегреческим математиком, о котором писал Платон в Диалогах. Почему Соснора написал

но не «да» (Тезтет),

википедия не смогла объяснить. Пришлось Лидии Д. плавно перейти по ссылке к Платону и читать диалог «Тезтет», в котором мудрец Сократ и юный Тезтет вместе ищут толкование знания частного и общего и доказывают, что знание не есть чувственное восприятие. Развернутые вопросы задает Сократ, и юный Тезтет, соглашаясь, часто говорит «да», — вот откуда у Сосноры этот стих, — догадалась писательница Лидия Д., порядком уставшая от античной мудрости еще на середине диалога и не дочитавшая спор Сократа с Феодором.

Значит, можно предположить, что устами Тезтета Соснора мягко говорит «не да» мудрецу Фалесу на его утверждение, что в основе всего — вода. Ну, вот опять и пришла к идее первоначально, как всегда в философии, — потянешь ниточку, и пошло мотать, — недовольно бормотала Лидия Д. — А еще Хаос впереди, с его ужасным глазом...

«А дуда?»

О мой гуцул! Ты вспомнил старую гуцульскую волюнку с козым мехом и трубками из калиновой ветки... часть детства прошла на землях Западной Украины...

Дуда звучит, когда ты думаешь о вечном... О мой гуцул! А слышишь ли ты временами сопилку из очерета или лещины, ее тугу и жаль, ее мову — язык твоих первых песен? Когда не слышишь окружающий мир, то остаются все звуки памяти...

О мой бедный гуцул, ты стар и глух, но в тебе звучит музыка.

И надо подумать о дожде, который идет и идет у Сосноры уже полвека.

Дождь присутствует в стихах всех петербургских поэтов, и поющий ястреб иронизирует по этому поводу, но, конечно, деликатно — только самоирония:

Он уже шел на моих страницах не меньше, чем из и вниз

то есть, так же часто, как из питерского неба. Новое сравнение дождя — прыгун с шестом.

Тот, кто повторяет свои попытки бесконечное количество раз, как спортсмен.

Он идет и идет...
мало-точками стукая

Какая удачная находка — двойное прочтение: 1) малые точки — дождинки, 2) молоточки, в произношении, конечно, — [малаточки], мало-точками стукая...

Двойное прочтение строки, как в хайку, сообщает дополнительный объем — надо только это суметь увидеть.

Лидия Д. собирала коллекцию петербургских дождей и мечтала когда-нибудь написать исследование со скромным, изящным названием — образы и перцепции дождя в петербургской поэзии за триста лет. Покопавшись в карточках-выписках, она нашла искомые соснорские дожди.

4

Под номером один был дождь апрельский, написанный молодым поэтом в начале 60-х.

Небо —
палевая калька.
С неба упала
первая капля.

Первая капля.
Капля-карлик.
Каплю пытались выпить из ложки
экс-патики крымских купален.
Противокапельные галоши
все покупали,
все покупали!

Но, несмотря на репрессии жаркие,
капля выросла, крепла, мужала.

Капля плескалась, —
рыба форель! —
вздулась —
превыше троллейбусных тросов.
Дотронься —
и лопнет!
И — апрель!
Только —
дотронься!

Радость молодой жизни была через край, он не ходил в галошах, которые все покупали, все покупали, количество восклицательных знаков зашкаливало, и сам поэт был, как вздувшаяся, напряженная капля — дотронься — и лопнет.

В стихотворении «Май» молодое-солдатское продолжало обрушиваться, да и книга стихов называлась по-юношески просто — «В поисках развлечений» (1960-1962)

Неслась облава облаков
на лоно площадей,
за батальоном батальон
щебечущих дождей
низринул!

В цикле Цветы и Рыбы появляются петербургские реалии:

Дождь моросил.
Дождь вздрагивал.
Нева
то взваливала волны на причалы,
то снова в воду сваливала волны.

5

И, хотя начинаются жестковатые сравнения:

Лица дожди стегают
металлическими пальцами.
Листья с деревьев стекают
плоскими каплями крови,

но и в стихотворении «А нынче дожди» 1963 года оптимизм преобладает:

Дожди и дожди.
И заметны
лишь струнные инструменты.

Пока что дожди.
Но повыше,
там солнечности — завались!
Еще повецают,
посвищут
мои соловьи!

Тональность поэтического голоса резко меняется в последующие годы, тяжелый металлический тон преобладает в 70-е годы — в книге стихов «Знаки» (1972):

Продолжение на стр. 4

ЭКСКЛЮЗИВ ПОЭТОГРАДА

АЛИНА ДИЕМ

СОН О СОСНОРЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Продолжение. Начало на стр. 3

и я не пил с Эдгаром По, который вороном не каркал... А капля на моем стекле изображала только каплю, стекающую столько лет с окна в социализм квартала свинцовый.

И в эпилоге поэмы «Семеро» дождь уже обывательски мешает:

Серый дождь во дворе донимал.
Не сыграть во дворе в домина.

Она взяла в руки большой лист со стихотворением Сосноры, которое называлось просто — Дождь — и было написано рукой зрелого мастера.

(Книга стихов 1973 года «Тридцать семь» — именно столько лет было Виктору Сосноре, — и число это трагическое в русской поэзии, рубежное.)

— Нет, название Дождь меня не устраивает. Вот у Гумилева то же самое — просто Дождь, причем чуть ли не единственный у него. Ну ладно бы, ливень — уже ясно, какой именно дождь, ... ведь дожди разные, ох, мужики... вот, к примеру, мороснящий, ситный (как из сита) или напротив — проливной, ливень, или грибной, косой, затяжной, обложной, купальный, окатный и... а у Сосноры — шел дождь под солнцем... дождь под солнцем называется слепой и бывает очень коротким. Коротче, чем это стихотворение, если его читать вслух.

А поэт умудрился за это время многое: рассмотреть дождь и описать его в цвете (по цвету сам — то солнце и желток, а то кристаллом красным голубел) и звуке (с палкой серебра),

6

поговорить с дождем: угостить его своим простым завтраком, дожидаясь, когда он съест хотя бы яблоко, чтобы поинтересоваться: ты поел? А дальше поэт успел не спеша объяснить дождю, чем тот обычно занимается в жизни, — поит животный мир, рисует радугу, потом рассказал о себе, жалуюсь на жизнь, — я — только рисовальщик слов... я так устал впустую рисовать... я жизнь не жил, а рисовал... и, наконец, озадачил Дождя просьбой оживить неудачные творения бедного поэта. Дождь, уже страшно спеша, тут же выполнил просьбу поэта, но в спешке сделал что-то не то, опять начались ужасы. И поэт от всего этого умер.

И жизнерадостный финал — дождь опять идет под солнцем и стучит серебряной палкой по трамваям.

Шел дождь под солнцем. С палкой серебра. По цвету сам — то солнце и желток, а то кристаллом красным голубел. В окно хотел зайти — я не впустил. Есть дверь для всех, — давай в мой дом, дождь.

Позавтракал? Вот стол. Вот табурет. Сухая рыба, хлеб (мой завтрак прост), два яблока — тебе одно и мне. Теперь послушай (ты поел?): ты шел с Восхода на Закат. И ты поил животный мир своей водой живой. Ты мастер молний в небе молока. Ты радугой рисуешь, как дитя. И я, босой, дождинками дышу. Я — только рисовальщик слов. Вот тут корова, — нет молекул молока, собака, — не укусит за меня, Мадонна, — полюбила бы, но как? Младенец, — годовалый до века. Они мертвы под прессом ста страниц, сейф текста без волшебного ключа. Я так устал впустую рисовать. Ты оживи мои творенья, дождь: я жизнь не жил, а рисовал. Но им даждь жизнь и страсть, насущный хлеб и кровь...

ДОЖДЬ ОЖИВИЛ ИХ И УЖЕ УШЕЛ... Корова встала. Четырех копыт четырехкратный треск и горла гул, и поскакала вскачь за Горизонт, и человечество — доило! — сыр, сметана, сливки, масло, — польза крав! Залаяла собака мне в лицо, — не я хозяин и не та страна, — кусать клыкком! — я плетью выгнал вон! Мадонна мне ничуть не отдавалась, вошел солдат и оплодотворил. Я вырастил младенца в мужа. Он сказал: ты не отец! — За рукоять взял меч. И, может быть, меня убил... Но умер я... Следы моих страниц бесследны. Некому теперь творить...

А дождь идет под солнцем. Так стучит по тем трамваям палкой серебра.

7

— Все-таки стихотворение легкомысленное, хотя и неплохо выпсанное, — решила

Лидия Д. — Да и что взять с молодого, ведь 37 лет — это потрясающе молодо, сейчас-то мне это ясно... надо бы перечитать всю книгу стихов, которую я когда-то так любила... А вот и другое из этой же книжки — Дождь идет по улицам, как лошадь... — название по первой строке — уже лучше. А дальше сюжет повторяется: жизнь ужасна: старец захлебнулся, детеныш бьется в детской коляске под дождем, Трое ели кильку, улыбаясь, угрожали мне самоубийством... Поэт не вынес и ожесточился:

не вынес — поскакал.
Дождь мой, лошадь, мы с тобой ускачем за три моря в тридевято царство, и в пути бей копытом, не жалея живое, человечков во плащах и шляпах — труп на труп!

Но поэты, как правило, противоречивы и отходчивы — опять наш поэт попросил Дождь об услуге:

Умоляю: пожалей троих!
Ведь они убить себя хотели, а потом меня, а я — по морде. Хорошо ли так? Нехорошо!
Пожалей их. Отстрани от бедствий. Ты спаси их сон крылами капель. Пусть они знают, что и порознь и все трое прожили при жизни жизнь недаром: кильку ели! — это ведь немало для людей!

— Соснора — атеист или, скорее, язычник. Вон как надеется на Дождь. Но языческая часть показалась мне неудачной, надуманной. Я бы остановилась на трампах.

Лидия Д. повздыхала, поулыбалась и оживилась, взглянув на следующую выписку-карточку.

— Нам, старушкам, трудно угодить, но вот то, что не может не понравиться:

Дождь, как женщина, влажен, и млечен, и слаб... (из Элегии без луны)...
что тут скажешь, кроме маргаритино я в восхищении, я в восхищении! — Мастер Соснора, Мастер!

Старушка опять взялась за отложенную было книжечку стихов «Двери закрываются»:

Бесконечны гирлянды и семантизмы дождя... как вождение самок по этажам Любви... Ой люли!

Мастер, Мастер, — шептала она, — как мудро, как просто:

Дождь ты дождь законный, в клеточку тетрадь, он приятен наощупь в каплях, кислотен и желт, все колодцы отравлены водападами из вниз. И от школы читаем по каплям одну и ту же — Книгу Конца.

8

С Книгой Конца надо еще разбираться, уточнять. А пока почитаю мое любимое из дождей — «Дождь в августе» Бродского. Соснора и Бродский жили физически параллельно, но распались по времени, потому что стихи Сосноры — дело будущего, а стихи Бродского — репетиция восприятия стихов Сосноры, как мне кажется, ну, да не в обиду небелеату. Тот, кто читает Бродского, будет читать Соснору. Но не наоборот. После Сосноры Бродский кажется мягким, вялым, мелодичным, за что я его и люблю:

Среди бела дня начинает стремглав смеркаться, и кучевое пальто норовит обернуться шубой с неземного плеча. Под напором дождя акация становится слишком шумной.

Не иголка, не нитка. Но нечто бесспорно швейное, фирмы Зингер почти с примесью ржавой лейки, слышится в этом стрекоте: и герань обнажает шейные позвонки белошвейки.

Как семейно шуршанье дождя! как хорошо заштопаны им прорехи в пейзаже изношенном, будь то выпас или междудеревье, околица, лужа — чтоб они зренью не дали выпасть

из пространства. Дождь! Двигатель близорукости,

летописец вне кельи, жадный до пищи постной, испещряющий суглинок, точно перо без рукописи, клинописью и оспой.

Повернуться спиной к окну и увидеть шинель с погонами на коричневой вешалке, чернобурку на спинке кресла, бахрому желтой скатерти, что, совладав с законами тяготенья, воскресла

и накрыла обеденный стол, за которым втроем за ужином мы сидим поздно вечером, и ты говоришь сонливым, совершенно моим, но дальностью лет приглушенным голосом: «Ну и ливень».

Каждый раз мороз по коже. Написано осенью 1988 года. Родителей уже нет. На похороны не пустили. Он остался один. С краю. Тоска нарастает. Написано где-то далеко-далеко, дальше Архангельской губернии, в каком-то задрипинске-ню-йорке, а все равно питерское — по языку: среди бела дня начинает стремглав смеркаться... здесь каждое слово вопиет: наше, питерское! По реалиям: позвонки белошвейки. По... да с кем я спорю!

А-а, с Соснорой. Это он сказал о Бродском: «У него, как у всякого крупного поэта, есть замечательные стихи, есть плохие. На мой взгляд, все лучше написано им в Союзе и в первые два года эмиграции». (Нет, дорогой, и позже у Бродского появлялись замечательные стихи.)

Хотя Соснора мог бы позволить себе сказать о Бродском что-нибудь и похлеще, но аристократичность Сосноры выше неприязни и умолчания, которые плебейски себе позволяют другие.

Жестче и прямее об этом сказала Мария Каменкович в своем эссе:

«Между прочим, обратите внимание — ахматовские сироты» с Соснорой, как сговорившись, не считаются, а ведь он долгое время жил в Комарово у Гуревичей дверь в дверь с «Будкой», и у

9

Ахматовой бывал, и стихи там читал. Но не схлопнулось, и не наше дело, почему, подоплека все равно очевидна: другой, инопланетянин. На языке этой компании Соснора, наверное, выглядел недостаточным диссидентом, недостаточным фронтонером — еще бы, работал на заводе (рабочая биография, первый гвоздь в карьеру! Позже это пролетарское прошлое за ним триумфально влачило, облегчая взятие каких-то порогов и высот...

На языке Наймана, Рейна и компании (сюда же примкнул и Довлатов, где-то вскользь помянувший Соснору как «поэта, который работал где-то на заводе») это называлось, наверное, конформизмом, но мало ли что как называлось на их — здешнем — языке. Да и время было простое — существ из других миров судили по здешним законам. Интерес вызывали не «другие», а «настоящие наши». Соснора же — ДРУГОЙ, причем par excellence. У Сосноры — и Комарово другое (не как в теперешнем распространенном мифе), и Ахматова другая («В скольких скалах жила! Никого не любила...»). Но быть не от мира и пользоваться миром (разумеется, не изменяя себе ни на йоту, иначе и говорить было бы не о чем) — это нормально. «Сироты» же, будучи все-таки от мира сего, как и Ахматова (любой классик — от мира сего, иначе мир никогда не признал бы его за классика), «разрешенные» в испорченном мире пути с гадливостью отвергали и от других ожидали того же. И это тоже нормально. Две нормы.

А посмотрите на сегодняшних средневозрастных модернистов, на сборник «Genius Loci», где, в одном из эссе, попутно излагается история советского модернизма в Ленинграде-Петербурге и Москве. Соснору там ДАЖЕ СЛОВЕЧКОМ НЕ ПОМЯНУТ, а ведь он и как поэт, и как модернист — гигантская! великанская фигура! До таких экспериментов с языком, до такого богатства, как у Сосноры, почти всем авторам этого сборника — как до планеты Юпитер! Никому из них так не покровительствовал «гений места» — гений города, как Сосноре! И не важно, обходят ли они Соснору молчанием потому, что боятся сопоставления (это, впрочем, не ко всем относится, есть же и среди авторов сборника хорошие поэты), или потому, что инопланетяне для них невидимы, или потому, что срывает рефлекс — чужаков не замечать, в упор не видеть? И то, и другое, и третье не к их чести, но по доброте душевной можно их понять — даже если человек провозгласил себя свободным (одно из обязательных свойств модерниста, по определению сборника), это еще не значит, что он им стал, раскрепостился и увидел ДРУГОЕ рядом с собой».

Мне тут и добавить нечего. Ах, нет, брошу и я свой камешек в Бродского. Это я про музыку речи хочу сказать, ведь у каждого поэта своя музыка поэтической речи и неважно, откуда она взялась. Мне кажется, то, что стало узнаваемой музыкой поэтической речи Бродского, возникло из «Музыканта» Сосноры 1965 года. Он услышал и взял, и оставил себе навсегда, и не сказал тебе мерси, и уже не скажет. И твоя мелодия стала его музыкой, музыкой Бродского над головами у всех. И не надо спорить со мной, я не глухая. Ты уже забыл своего Музыканта? Послушай:

Как свечи белые, мигала тишина.
Из крана капала и капала луна,
такая маленькая, капала теперь,
из крана капала и таяла в трубе.

Как свечи белые, маячили в ночи
так называемые лунные лучи,
а та луна, а та небесная была
в кружочках цифр, как телефонный
циферблат.

10

Совсем иные, иноземные миры,
висели звезды, как бильярдные шары.

В бубновых окнах лица женщин и мужчин
чуть-чуть прозрачнее, чем пламя у свечи.

Я был в неясном состоянии перед сном.
Я был один, и был один старик со мной.
Но был он в зеркале, таинственный старик,
в шампанских бакенбардах современный лик.

Он делал пальцами, как делает немой.
Как свечи белые, мигали у него
немые пальцы. Этот мученик зеркал
на фортепьяно что-то странное играл.
Мою чайковскую луну и облака,
как Дебюсси, он в си-бемоли облекал,
то патетические солнца и латынь
он мне, слепцу, мой музыкальный поводырь.

Еще старик играл такое попури:
— Все это было — твой парнас и твой париж,
но ты не жил и не желал,
увы и ах!
существование музыканта — в зеркалах,

лишь в зеркалах твои сожженные мосты,
молитвы мутные, минутные мечты,
я — тварь земная, но нисколько не творю,
я лишь доигрываю музыку твою,

мы — Муки творчества, нас ждет великий суд,
у нас, у Муков, уши длинные растут,
но наши уши постепенно отцвели,
спасает души повседневный оптимизм,

я презираю мой мучительный талант...
А по мостам ходили белые тела.
Как свечи белые, маячили в ночи
тела, одежды у женщин и мужчин.

Играл орган в необитаемых церквях.
Его озвучивали Гендель или Бах.
Фонарик в небе трепетал, как пульс виска.
И в небе с ним — необъяснимая тоска.

О музыкант, какую ни бери бемоль,
миной твой край есть, как мания, немой.
О музыкант, ты музыкант в своем числе!
О поводырь, как и ведомые, ты слеп.
Взойдет ли солнце, очи выела роса.
Как водяные знаки, бедные глаза.

11

О музыкант, меня ты не уговорил.
Ты улыбнулся и на улице уплыл.
Так ты уплыл. Но я нисколько не скорблю:
большое плаванье большому кораблю.

Вот-вот, большое плаванье... не забывая, что Иосифу было тогда всего 25 лет, еще губка, еще все приросло насмерть. А у тебя звучали десятки и других мелодий — потрясающих. Да и целиком твою музыку не определить — она больше симфоний.

Тут я как-то читала рассуждения Бродского о Цветаевой и сделала такую выписку:

«...достоинство нации, униженной политически, не может быть сильно уязвлено замалчиванием ее культурного наследия. Но Россия, в отличие от народов счастливых существованием законодательной традиции, выборных институтов и т. п., в состоянии осознать себя только через литературу, и замедление литературного процесса посредством упразднения или приравнения к несуществующим трудов даже второстепенного автора равносильно генетическому преступлению против будущего нации».

Каков, рыжий кот! А что же молчал о Сосноре? Хотя что ему русская нация?

Продолжение на стр. 5

ЭКСКЛЮЗИВ ПОЭТОГРАДА

АЛИНА ДИЕМ

СОН О СОСНОРЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Продолжение. Начало на стр. 3-4

Ну, вот и все на сегодня о моем гадании по твоей новой книге. Кажется, многое поняла.

И тревожит лишь твое предостережение — «*Не верь*».

Именно в этот момент раздался звонок в дверь. — Ремонтник, — опомнилась Лидия Д.

Она через дверь, напрягая голос, поздоровалась. В ответ раздался приятный молодой басок, вежливо заверивший ее в скором освобождении. Затем минуты две слышались металлические скребущие звуки в сломанном замке. Лидия Д. ушла в кухню — угостить спасителя чаем.

Не было удара топором по голове. Никакой достоевичины. Все точно выверено: взмах руки с тяжелой монтировкой — внезапный ужас впечатлительной старушки — инфаркт.

Естественная смерть. Ни преступления, ни наказания.

Из письма соседки Лидии Д.

Когда Лидия Добринская пришла как обычно после четырех в наш скверик, где мы встречались почти ежедневно, я подождала ее около часа. Ее мобильник не отвечал. Я поднялась в ее парадную. На звонок она не вышла. И тут мне стало тревожно. Ноги мои ослабели, и я кое-как доплелась в соседний двор к нашему участковому. Он жил на первом этаже, был дома и отворил сразу. Я сказала, что Лидия Добринская из седьмого дома квартира 19 не отвечает на звонки, наверное, что-то случилось ужасное, мне тревожно, не по себе... — Идите, идите домой, вы очень бледенькая, я все сделаю как надо, — заверил участковый. Я спустилась на пару ступенек и остановилась, ноги не слушались. Я случайно услышала, как наш участковый говорил кому-то: — Насчет Добринской. Сигнал поступил. Оперативно. — Он помолчал. Потом сказал: — Стараемся. Все сделано. Слушаюсь. — И я поняла, что разговор был по телефону. Участковый обогнал меня во дворе и быстрым шагом свернул к проходной арке, соединяющей наши дворы. Я с трудом добралась до своей кухни на третьем, откуда из окна наш двор как на ладони. Вскоре подъехала скорая. Через несколько минут санитары вынесли носилки, закрытые полностью белым. Тело. Пока я собиралась с духом, чтобы спуститься и узнать в чем дело, раздался звонок. Бодрый голос участкового: — Гражданка А. Д.? Гражданка Лидия Викентьевна Добринская скончалась. Инфаркт миокарда. Родственников нет. Будет похоронена на средства муниципального учреждения. Не беспокойтесь. Всего доброго. — Он отключился, не ожидая моего ответа.

12

Через пару недель в наш двор подъехала мексиканская перевозка. Умелые молодцы бережно вынесли из соседней парадной старую убоженную мебель. Я сразу узнала лиду карельскую березу и французский бордовый комод с бронзолетками в стиле Людовика XV.

Вынесли и аккуратно сложили в машину импортные большие тяжелые коробки, обмотанные скотчем, — видимо, лидина библиотека. Надо сказать, у нее была великолепная подборка поэзии, многие книги с автографами. Молодцы отнесли два больших черных пластиковых мешка в угол двора в мусорные баки. Машина уехала. Я спустилась к мусорным бакам. В одном пластиковом мешке была лидина одежда, а в другом бумаги и библиотечные карточки.

Вот второй-то мешок я взяла без зазрения совести, ведь это я когда-то снабжала писательницу карточками из библиотеки, где я прослужила сорок три года. — На них удобно делать выписки из стихов и систематизировать, — говорила Лидия. Как не помочь писательнице в таком святом деле, и я принесла ей карточки пачками. Теперь они все у меня. Всю зиму я потратила на разбор лидиных бумаг и карточек, ведь их побросали в мешок как попало. Бумаги и карточки я попыталась систематизировать, потом аккуратно разложила по коробкам и отнесла в свою кладовую.

Пару лет назад я обратила внимание на новый петербургский журнал «Зинзивер». Имя привлекло — старое петербургское название местных синичек. Журнал оказался без идеологической истории, свежий, звонкий, как синичий псовист. И мне пришла в голову мысль, что надо бы послать в него записки Лидии Добринской о Викторе Сосноре — записки, к сожалению, не закончены, но они принадлежат старой петербуржанке о старом петербургском поэте. К тому же близки их юбилею — 80-летие поэта и писательницы Лидии Добринской, возможно, и напечатают в память о ней. Хотя время, исчисленное по годам, она не признавала.

Из рукописей писательницы
Лидии Добринской

Давай, мой глухой старик, «поговорим» — то есть, я буду говорить все, что мне в голову

взбредет, пользуясь тем, что ты меня не слышишь. А ты будешь отвечать мне своими стихами. Не спеша, по-стариковски, разберемся с теми, кто обвиняет тебя в пьяном графоманстве, старческом слабоумии и прочей чепухе. Ты, разумеется, давно наплевал на этих дураков, ну, а мне они надоели до чертиков. Да и ты лишилась временами, недаром пишешь о Золотом Носе, вот тут ты их здорово приложил, молодец!

А теперь по порядку твоих номеров-сюит в симфонии Книги Конца.

1

Ты болен, поэт. И надеешься, что боль пройдет, когда наступит осень или зима: *это уйдет, как перчатки заменят бинты*. Когда тебе бывает плохо в безлунную ночь, к тебе, поющий ястреб, как ты сам себя называешь, приходят в воспоминаниях твои родители: *Ястребы ночью идут в мою дверь и сидят*,

2

и в освещении звезд я бинтую клешни, чтоб не сойти со ступенек и этими ножницами не перегрызть.

Не сойти со ступенек так трудно в последнее время, когда беспомощная старость имеет на вооружении только молчание и ножницы.

13

3

У каждого своя Франция и свой Китай. У каждого своя Книга Перемен. Не знаю, читал ли ты, поэт, маленькие забавные истории про учителя Луна, написанные Игорем Бурдоновым, с которыми вы могли пересечься на Книге Перемен, и тут я с тобой согласна, свою Книгу Перемен надо оберегать:

Я любил. Эту Луну, птицу Гунь и зверя Мышь, я по ночам с ними был и патронами оберегал, по совпаденью времени их и меня (23.00-01 ч.) нож мой был быстр, если кто-то к ним крался — убить...

В наше время Книга Перемен стала чуть ли не настольной у писателей и орудием нелегкого труда у гадалок. У каждого свой Китай. Ну, как тут устоять и не поддаться бурдоновскому китайско-русскому очарованию:

Рядом с первой Луной появлялась вторая розовая Луна, иероглифы на скалах читали друг друга как парные надписи, с моря по реке поднималась рыба Гунь длиною в тысячу ли, превращалась в птицу и взлетала в небо. У деревьев листья раскрывали рты и глотали воздух. А камни Великой Стены ворочались с боку на бок, вздыхая.

Птица Пэн и рыба Гунь стали белыми летучими мышами и жалобно пищали. Иероглифы стучали по крыше каплями дождя. Люди-деревья шевелили во сне бровями. Горы поселили и загорюнились. А камни Великой Стены спали.

В небе сияли две розовые Луны, только одна была настоящей, а другая — ее отражением. Далекие облака, похожие на птицу Пэн, превращенную в белую летучую мышь, и рыбу Гунь, превращенную сначала в птицу, а потом в белую летучую мышь, таяли под Лунами. Только что кончился дождь, и в воздухе пахло водой и ночными цветами. Далекие горы, татуированные трещинами, в лунном неверном свете плыли по небу и будто покачивались. Деревья склонялись к окну и смотрели на учителя Луна. А камни Великой Стены лежали, как и положено, далеко на севере.

Каюсь, я не устояла и отвлеклась на учителя Луна, ушла от разговора с тобой на два дня.

К сожалению, очарование бурдоновским текстом ушло тоже, ибо неумемная, какая-то детская, неглубокая фантазия сыграла злую шутку — пересолен текст, захотелось «простых» (!) слов из подлинной Книги Перемен, хотя зачем мы доверяем ее переводам и толкованиям? Кто он, толмач у седла всадника? Ты прав: «*Не верь!*»

4

Смерть птиц (а я помню, что ты — поющий ястреб) траурной мелодией не однажды. И сразу ожесточение в ответ — ужасающие, колючие подробности:

Я потерял в это лето и стражу — 10 сорок, который летел к тебе, и ты его отравил, при вскрытии желчь с мелкотолченым стеклом.

14

5

Стой! Ты хоронишь и майских жуков.

и написание на право жизни всякому живому, будьте осторожны, смотрите под ноги... рядом маршируют нелюди

6

Не тоскуй. Но как же не тосковать, ...идут они с бритыми лбами...

маршевые ноты нарастают — идут они с бритыми лбами — идут они с бритыми лбами

яблони вырваны из земли и говорят — бом-бом...

И мы практически беззащитны, с театральными фанерными щитами и хрупкой красотой тающих белых ночей перед марширующей ордой — *простыни белых ночей ставят щиты из фанер...*

7

Поэт предупреждает о грозящей беде, но Мир глух к его словам:

если откроешь дверь в доме и тут же в домах — двери закрываются.

И наступает отчаяние от собственного бессилия:

что мне до Мира, до ртутного шарика яда его,

если откроешь дверь в доме и тут же в домах — двери закрываются.

8-9

а побеждают не факты, а фантазмы, и имени им — нет.

Так стоит ли спасения Мир, где благоденствуют *Властители норм и мечтатели Мясопотамских Снов?* Это женский вопрос. Прости слабую. Ты — мужчина. Ты — поэт. Ты правильно отвечаешь:

мне не уйти от войны с Веретеными Мельницами, приветствия Рок, Ангелы Ненависти (о побратимы!), их пероскоп из ножей!

Ты знаешь силу мясopotамских мечтателей, это они с виду безобидные обыватели, но при каждом удобном случае убьют, не задумываясь.

если волк молчит и замкнут на зубах, это не значит, что он — не волк...

Мечтать — это, извиняйте, — Меч и Тать, и ничего больше, и ничего больше, и ничего больше, и — Ничегого.

Но когда наступают времена бешеных волков, то ты равен им по бешенству и ненависти в борьбе, ибо ничего другого не остается:

Если ж у волка слюни — это бешенство, хорошо, не убегай, лучше поди на встречу и дай кусить,

15

тебе лучше б взбеситься, и не жалеть телег, чем виться вокруг, обнюхивая дым и доносить народу — Он жив, жив, жив!

...в жизни ж я застрелил не многих, да и тех от скук, — вот так им и надо, пусть не думают, что поэт — идиот и боец ветряных мельниц, не повторяй их утверждения, ведь ты —

сын птиц цирковых, летающих на трапециях под куполом и над, плясунов на канатах, страховки — без, бегунов, где финиша нет, а стартовый пистолет затерян за ненадобностью 40 млрд. лет тому.

10-11

Ты говоришь о миллиардах лет, но что время для нас как не условность? Ведь у каждого свое время. Есть время бабочки. Есть время горы. Есть время мое. В нем не вмещается сорок миллиардов лет. Далее любимого рококо я не хочу его иметь. Есть время твое. Я не знаю его грани. Только ты это знаешь. Да и хватит об этой глупости — времени. Вот тут я с тобой полностью согласна:

Время — всего лишь тиктаканье, так на так, и ничего у этого «время» нет, кроме вымысла — вымя слов.

12

Но это я с тобой согласна, а ты со мной не согласен, ведь ты — поэт и тебе жизненно необходимо описать то, что ты видишь в пространстве и во времени, будь оно неладно. Я могу молчать, но не ты:

Я пишу от, чего нельзя дописать, зря транжиря остатки клешней, отнюдь не астральных, собственных, моих...

13-14

Ты один понимаешь, как сложно объяснить то, что ты чувствуешь и КАК ты пишешь, ведь это ОТ вмещает так много. Пожалуй, первое из ОТ — безнадёжность:

Не жди. Нет надежд ни на Китеж, ни на Небесный Ковш (черпак!), ни на ремонт костей, их полировку, воскресших — нет...

Не ищи...

щеглов, потеряешь и то, что есть, — комара...

А второе из ОТ — несоразмерность. Ты — крупный хищник, ты чувствуешь свою громадность, твой друг — Дракон, а кто — они?

долго и храбро мы сражались, друг-Дракон, отряды поддержки разбиты, и тут идут отряды захвата — муравьи.

(вооружен и очень опасен — комар!)

Их много — млрд. — вот в чем беда, а если каждый — по капле крови поэта? Они считают, что

Капля крови твоей! — не рубин! — медяк!

Да как бы не так! Вы не стоите и капли крови поэта! — это мой голос из отряда поддержки.

16

15

Да, для нас из отряда поддержки ты *Знаменит и волосом бел до плеч, Облако рук с белым пером...*

а для них, живущих в стране,

где сводится пафос к — «на дне», где ничтожны и эта туннельная ночь, и этот экранный день,

ты — безвестен.

16-17-18

Теперь посмотрим на КАК ты пишешь. Для меня это самое интересное в поэзии — КАК — формы — приемы — мастерство. Вот ты говоришь себе:

Надо б писать на ящерицах, на тенях огня, женщины ходят в бусах дождя — вот на них и пиши, на бусах, а не на женщинах, — эти расписаны до микрон.

Ты так и делаешь — пишешь на тенях огня и на каплях дождя, на ящерицах, на яблоке, на ястребе:

Я ящериц глажу, они на белых камнях крыжовничьи. Спят — изумруд. Я яблоко глажу, какое оно — как вино, спит, как маятник. Стоя. Я ястребов глажу, — как рощу солдат в штыхах! Полегли.

(В эпилоге ты написал:

Это третья сюита из Книги конца, пятнистый полоз, черный уж и бичевидная змея, ...четвертой не будет...

Если считать по порядку, то первую часть — первую сюиту твоей Книги Конца я буду вслед за тобой называть Пятнистый Полос.)

о флорентиец, двойник, бедный зверь мой Дионис...

Двойники твои — флорентиец Данте и бог вдохновения и вина Дионис — помогают тебе выжить в нашем мире. Один опытом признания-изгнания, другой — пьяного вдохновения, двойник-пьяница. Бог виноделия, религиозного экстаза и вдохновения. Все боги не однозначны. Как и люди. бедный зверь мой Дионис, — ты пьян и чувствуешь в себе чисто биологическое глубинное звериное естество.

Но слово двойник ты ставишь между флорентийцем и бедным зверем, так что вернемся к первому двойнику. Ползи, Пятнистый Полос, смотри, как волк, окруженный псами и ружьями, стоит, не отводя взор,

так делал Данте перед стеной врагов.

Продолжение на стр. 6

ЭКСКЛЮЗИВ ПОЭТОГРАДА

АЛИНА ДИЕМ

СОН О СОСНОРЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Продолжение. Начало на стр. 3-5

17

кукушка поет Число — не тебе,

если надумал поэт считать года перед смертью, нет, не тебе умирать пришла пора, еще не все сказал. Ты пишешь Число с большой буквы, философ. Я поняла: хочешь отправить меня к пифагорейцам. Возможно, ты знаешь, что современные исследователи уже доказали, что многое из приписываемого пифагорейцам, на самом деле — взгляды Аристотеля. Это от себя он говорил, что «элементы числа суть элементы всего сущего» и «все небо есть гармония и число», хотя Пифагор первым назвал вселенную космосом, то есть «прекрасным порядком». А, может, тебе ненавистен Порядок, который исходит из Числа. Может, поэтому *кукушка поет Число — не тебе...*

Кому сказате́ньки? — вспомнился Хлебников. Он тоже был «художник числа», умерший в 37 лет:

И грядет бесшумно зверь
с парой белых нежных чисел.

Кстати, в 37 есть две цифры из знаменитого хлебниковского числа — 317. А магия числа 137 в космологии? а гений Пушкин с его «тройка, семерка, туз»? Ну, зазвучали «струны времени», и мы сразу подпали под обаяние Арфы Ка. О твоей связи с любимым нами обоими Великим Хлебниковым мы еще поговорим после.

Если погружаться в мир античности, то с головой и на всю жизнь, что мы уже опоздали с тобой сделать, так что нам остается только читать готовые исследования и соглашаться или не соглашаться с ними. А мистику от пифагорейцев не отнимешь, их учение о переселении душ тебе близко, Поющий Ястреб. Ешь ли бобы? Не думаю, что ты вегетарианцем, как пифагорец, жил в послевоенное голодное время твоей молодости, скорее, если удавалось ухватить кусок мяса, съедать его, не задумываясь о чьей-то коровьей душе. Возможно, сейчас можешь себе позволить дорого поглотить, а, поэт? Нам, старикам, все сейчас вредно — и голодание, и переядание. Все, не буду ворчать, ползи дальше, Пятнистый Полос,

не соображая, что каждая лягушка лежит распластанная на кресте,
что все птицы, комары, бабочки, осы — летят крестом,
что скрещенье шпаг и любовников — одно и то же,
что три скрещенных крокодила Египта и есть могоендовид Д.

Вот насчет трех крокодилов — мне показалось, их маловато будет для Щита Давида. Три крокодила — один треугольник, надо бы еще трех крокодилов для другого треугольника, чтобы наложить их в виде шестиконечной Звезды Создателя, по образу которой в виде шестиугольника и был Щит Давида, он же могоендовид Д. Но так ясно вижу этих крокодилов, ухвативших друг друга за хвосты, — где же я могла их видеть? Забыла... Каббалой не интересовалась серьезно, не мое это. Помню, что форма шестиугольника обозначает в алхимии огонь и воду, если не путаю.

А то, что птицы, комары, бабочки и осы на фоне светлого неба кажутся крестиками — летят крестом — ты прав, Художник. Скрещенье шпаг и любовников напоминает мне Пастернака — теперь это уже стало штампом. Еще и голос Пугачевой накладывается в Свеча горела... — *кошмар и ужас! Чур меня!*

19

Теперь можно убежать в другую страну, чтобы не слышать этих плоскатики. Или сделать вид, что ты случайно залетел в этот мир. Или оглохнуть.

18

Город стоит из лучей, можно — играй на струнах, или же в Землю лазеры запусти!
Можно. Если ты игла к этим плоскатики, и объемы мои не видны, в недрах ЕЯ не рожден, а из пыльки — так, подзалетел.

Мы с тобой найдем выход всегда, ибо Мир полон лугов.

20-21

Мир полон лугов, а кто на скале? кто на скале — и Тот — не тот.

Ты знаешь, дорогой, чем дольше живу, тем больше сомнений и у меня, слабой женщины, насчет Того. Увы, теперь и для меня он, Тот — не тот, не говоря уж про египетского Тота.
Не верю. А кто на скале? Не знаю.

И надо ли знать — вот в чем вопрос для меня. А ты как думаешь? Мне показалось, ты тоже в этом странном оцепенении перед миром:

Много ль нужно мигать — млрд. лет, чтоб проморгаться Звезде и увидеть Миры, где я с дыханьем сижу на крыльце в священных перьях, и эта Звезда — не мне. И эта, и та, и их миллиард, и их смотреть и им мигать — не хочу.

Знать или не знать? Вот в чем вопрос ... и гамлетовская мука. Не знать — и можно оглядеться, заметить лето, дождь. Здесь у тебя превосходный переход получился:

Лучей и зари в это лето — нет, одни волны падают на мой дом, и другие, так много воды, будто дом — корабль, дрожит.
И остается, как парус, высунуть язык, ставлю на капитанский мостик свечу — в бутылку, ориентир — по блеску пуговиц кителя, если уж вычеркнута Звезда, и курю о юных животных — девонских, в ушах серьга, разноцветнокожих, в наклейках и без. Ах, давно одинокие песни поют повара, и Звезда, как сельдь, не нырнет в стакан... и выплескиваю...

Слушай, безух!

А я не хочу слышать Вас, гороскопы Муз!

19

22

Когда-то тебе повезло, поэт, — ты был в Париже: *Эту любовь через кровь и с бинтами, — неотразимо!*.. Что тыанет нас в Париж — генетическая память? Информационное поле, которое вспахала и засеяла добрым и вечным наша литература? Какие биотоки долетают через тысячи километров, через холодные ветры, через волны злости к нам, в разинутые рты? Что мы пытаемся разглядеть в чужом городе, где мы никто и ничто, как дата курсивом.

Город жил, живет и будет жить без нас — мы ему не нужны. Но почему-то он нужен нам. Почему?

но ведь не знают между огнями, пули мне братья и огнибают. Эти их слезки через понижье, как моросили Чрево Парижа, и обжигая камни на Сене, то, что любил я больше, чем все. Бури сломали Нотр и Льеву, а Монпарнас — цивилизанти... Эту любовь через кровь и с бинтами, — неотразимо!..

Париж и Франция меняются на глазах, мир не стоит на месте, не знаю, какие мысли тебе приходят в голову сейчас, когда ты смотришь издали на Париж, поэтому спишу на твои юные ноги все, что ты написал о Париже, на твои молодые воспоминания.

Париж сопротивляется модерну. Монахини в отелях антикварных читают антикварные молитвы. Их лица забинтованы до глаз.

Мемориальны голуби бульваров: сиреневые луковички неба на лапках нарисованных бегут.

О как летали золотые листья! Они летали хором с голубями. Они, как уши мамонтов, летали, отлитые из золота пружины.

Какие развлеченья нам сулили! Какие результаты конференций! Видения вандомские Парижа!

Был вечер апельсинов и помады. Дворцы совсем сиреневые были. Париж в вечернем платье был прекрасен,

На Монмартре белел чудовищный собор, слепая ваза византийства

20

(кто им Париж короновал?), как белый ворон, как вития, мои молитвы колдовал не мой собор. Меня мутило

И я бежал!

Прощай, Париж!
Я не уеду боле туда, где листья падают, как звезды, где люстры облетают, как деревья, на улицы квартала Бабилон.

Прости за то, что миллион предчувствий в моей душе, как в башне Вавилона, прости мои монгольские молитвы, монашество мое и гамлетизм.

Прости за то, что не услышал птиц, моя душа — вся в красных параллелях. Кто мне сулил исполненное небо? Такого неба нет и не бывало.

У вас Париж, у нас — свои снега.

Помню, как когда-то я читала твои парижские стихи и адски завидовала!

К сожалению, мне довелось увидеть Париж уже старухой и ...разочароваться. Что поделаешь, возраст. Не буду анализировать свои ощущения, думаю, тебе будет скучно. Давай перейдем ко второй сюите, которую ты назвал Золотой Нос. А почему так назвал, мы вместе обсудим, идет?

«Золотой Нос» — вторая сюита Сосноры.

Все продается и все покупается. Эпоха торговли продолжается тысячелетия.

Но в юности ее не замечаешь, в зрелости убеждаешь себя, что ты выше торговли, и только в старости понимаешь, что все продается и все покупается — всегда. Вот это ты и назвал узаванием Золотого Носа:

Выгляну в окно — всюду ходит Золотой Нос, то он аист, то самка, то он туфли, то и Гоголь он, то как откушенный член с алебардой у дверей. Двери закрываются.

Он очень нежен, душист, умен, как венгерский стручок, и надо же! — даже как дуэльный пистолет, морален как шаги Командора и лукав как микроб.

То есть он вездесущ. Обонятелен. Куда б нырнуть, знает, как щука. И как крысиный хвост.

21

А всю вторую сюиту он еще ассоциируется у меня с Черным Ужом, скользким по продажным временам. Портрет нарисован превосходно: включены все ощущения — *Обонятелен, душист*, зрим в образах — *то он аист, то самка, то он туфли, то и Гоголь он, то как откушенный член с алебардой у дверей.*

И на хорошем портрете всегда виден внуртренний мир: *Он очень нежен, ... умен, как венгерский стручок*, (почему-то Саркози вспомнил-ся), *морален как шаги Командора и лукав как микроб... Куда б нырнуть, знает, как щука. И как крысиный хвост.*

Да, такой Золотой Нос не пропадет, не лишней человек в каждом из веков. Кстати, увлекшись портретом, я перескочила в конец второй сюиты. Вернемся к ее началу.

1

Вторая сюита началась с огненных аккордов Игоря Стравинского в «Весне Священной» — я знаю, как ты любишь это гениальное произведение космического масштаба, ведь не случайно умные люди сделали запись музыки «Весны Священной» на золотой пластинке «вояджер», чтобы отправить первую фонограмму с голосом нашей планеты для внеземных цивилизаций. (Все-таки земляне — наивные существа!)

Ты определил музыку Весны Священной как *Голос и Дух* — голос и дух наших предков, который ты отчетливо слышишь со времем своих «Всадников». Ты услышал его во времена случайного детского чтения летописей. И этот голос вошел в тебя навсегда под гуцульские песни. Ты слышал старый славянский мир как композитор с абсолютным слухом, вот хотя бы из твоего «Слова...»:

С Азовского моря ползет половецкая погань, мотая шарами нечесаных черных голов. Горланят быки, запрокинув двурогие морды, бесштаные половчата в скрипучих телегах юлят... Шары волосатых голов от Кальмиуса до моря гортанными гиками загородили поля.

В юности тебе было нужно много слов, чтобы сказать о звучащем мире. В старости тебе хватило строки — отсылки, чтобы создать образ-ассоциацию:

Может ли петь скворода? — о да!
на огне она как «Весна Священная»,
Голос и Дух,

и все! — я включилась в музыку Стравинского!

2

Халада да вада

так и вижу твою усмешку на тонких синих пиртерских осенних губах

Ты говоришь здесь о старости, вернее, о физиологии старости:

Льется меж пальцами алкоголь, да не пьется. Сливаю в ведро.

21

Барбитуратами сжигаются сны, уши висят и шипят, у них гусиные шеи разлук, климат мембран, физиология ваз,

(физиология ваз — читай: мраморные прожилки на старческой коже — великолепно сказал!

климат мембран — когда северный ветер в уши)

Кстати, что касается ушей. Уши — твое слабое место, твоя трагедия, хотя ты и пытаешься найти в своей глухоте что-то полезное для себя. В разговоре со студентами ты однажды сказал, что «...я себе выдумал легкий вариант поведения: пение без гитары. Так сказать, поющий глухой. Бьет наповал безошибочно. Это хорошая роль: она избавляет от ненужных бесед и обсуждения "судьбоносных" вопросов».

Я помню, как ты блестяще шутил в молодости по поводу ушей в своей поэме «Антипигмалион» из Книги Юга:

А в сентябре опали уши.
Попарно.
Тихо.
Абсолютно.
Вспорхнули, пламенея, уши,
как шестьдесят огней салютных.

Как раз рыбацкая бригада с лукавым гулом на лугу (гуди, гуди! Улов богатый!) варганила себе уху.

Вдруг — уши!
Вроде хлебных корок...
Наверно, вкусом хороши...
Попробовали —
никакого!
Одни хрящи. Одни хрящи.

А был 1963 год. Тебе всего 27 лет. Что это было? Предчувствие? Первые признаки глухоты? И вот в 2001 году тебе пришлось написать:

уши висят и шипят, у них гусиные шеи разлук

Ну, и старческий (пессимистичный? реалистичный?) холодный вывод:

тем, у кого гардеробы сарафанов надежд, — будут портянки и лифчики из кирзы. Так, говорят, не всегда. Всегда.

Говорят, жестоки дети и юнцы. А получается, что и старики тоже жестоки, беспощадны в своем знании. И на долю милосердия остается только зрелый возраст — возраст Христа.

22

В юности бисер к чему? — если вокруг жемчуга, это сейчас я мечу, и обнюхивают, и вот вам клинический диагноз: критик по кличке Золотой Нос. Он еще обнюхивал Данте в Равенне и кричал, что у него пахнет серой из ушей.

Твоя сатира на критика мне безумно нравилась! Ловко ты его поддел — вот уж кто куплен — публикой ли, властью ли, собственным энтузиазмом разрушителя и обличителя — действительно, клиника. Поэт пишет сердцем, кровью. Критик мало того, что пьет кровушку, так еще норовит, не сказав благодарствую, заработать на поэте. Ан, нос-то и позолотел.

3-4

Твоя самоирония — тоже оружие — и для защиты, и для нападения:

Череп вскрываю, под крышкой извилины губ, — магма! — и каменеет, защелкнул на крышке замок и смеюсь, пробую на зуб циан, миндаль не горчит, сойду со ступенек и жгу никотин.

Окончание на стр. 7

ЭКСКЛЮЗИВ ПОЭТОГРАДА

АЛИНА ДИЕМ

СОН О СОСНОРЕ (ОКОНЧАНИЕ)

Окончание. Начало на стр. 3-6

Выйди! Возьми огнемёт и сожги
эти широты от юности, ты, краснокрыл!
Вышел. И кнопку нажал — нет огня...
От длиннот
как-то безрадостно.

Я выхожу на Луну,
не целясь, в руках гармонии нет.

Твои стихи — огнемёты. Ты прав, продолжая
писать их. Мир жесток, но старый поэт — не мяг-
котелая старушка. Ты знаешь, что надо сражаться
до последнего:

ты сиди хоть в колодце и аноним ультра,
вынут тело и расторгнут в аук.

5-6

Ну, сейчас они получают, эти торгаши! Ты
много читал, много думал. Ты — философ. Ты
умеешь делать выводы. И никакие щиты из имен
не спасут торгашей:

Если, скажем, Дали рисует «текущие часы»,
о как умно! необыкновенно! но уж был
текущий песок
у Вавилона в перевертышах-часах.
Если Лобачевский и Эйнштейн

о несбыточных прямых,
а в точке пересечения — Взрыв Времян,
посмотри на досократиков (Гераклит,
Парменид), —
то же и те же джентльмены удач...

у Пифагора не золотое бедро, а Золотой Нос,
разве ж не он отшлифовывал оптику,
чтоб жечь перс-флот,
делал бизнес и этот сидонец, новатор «пи»,
известное еще китайцам по «Шелковому
пути».

23

А святой из сиропных струй,
аленький цветочек, кормитель пичуг и львов,
Франциск Ассизский за какие кии был
обожествлен,
он — первый из монахов взял патент
на торговлю вином...

8-10

Этот мир торгашей не только противен, но
и страшен. Этот мир торгашей умеет защищать
свои интересы, не останавливаясь ни перед чем.
У него есть армия и наука. И тюрьмы для тех, кто
не торгует и не покупает жизнь.

...а на Вышке стоит Часовой,
он рисует мне бирку — на левом запястье
браслет,
нумеролог, он пишет число идентичное —
кто-кто,
наливает в мой котелок из межножья — мочу.
Я молчу.
И шивает губу за губу — не убегу.
Чу! —
собаки серебряные в клочья рвут беглеца,
от них же башмаки на камнях,
надеваю, бегу, и кричу на бегу,
что не я!
Но струя
с Вышки бьет, проливная, как возвышенный
романс...

А что можешь ты, поэт? Писать книги.

Эти книги читают как критические статьи,
а чуть-чуть не статья — и леденеет кровь,
а листнут — и выпучиваются вскипяченные
глаза,
а за?
Все ж запомнится имя из рода в род,
будут пугать им, убавкивая — не читай,
разве ж это не высшая весть у автора,
где современник сипл
и опасливо озирается, ждя удар.

Да, вот так просто — написал поэт книги. И
боятся вольного его слова. И ждут. И казнят. Из-
гоняют. Замалчивают. И снова боятся.

12 —13

Что ж тут поделаешь, если такой падеж?

Если такая страна. Если родину не выбирают.

На переправе через бред
коней на ландыш не меняю...

На берегах монгольских скул
мне не хватает мойр и гарпий.

24

Третья сюита Сосноры

1-2

Тему нашей горькой родины ты продолжа-
ешь в своей третьей сюите. Очень болезненные
определения и образы:

Под полуцельсным небом не живут снегири,
Наша Крепость на куриных ногах,
наши слоны стреножены и солому жуют рабы,
что же мы стережем, эти льды, этот
съеденный муравьями каркас,
эти каски заржавленные, эту поллюцию
в мордах и сапогах,
глинозем отравленный, где ни колоска,
это за них мы стояли насмерть и стою
на смерть?

Если бы не последняя фраза, то была бы ти-
пичная современная еврейская позиция и такая
же поэзия. Но ты пишешь: и стою на смерть —
и это сейчас, в чудовищном 1999 году, — когда
умерли последние надежды, когда торжествует
торгашество в диком рынке, когда... да что го-
ворить. Скажу лишь, что ты снова — Всадник. И
пусть перед тобой перевертыши из свиты ббб, ты
снова стоишь насмерть. И ты победишь!

Это третья сюита из Книги Конца,
формульный опыт рисунков исчезновений
секунд —
наносить на них ноту со звоном и пускать
по ветрам,
Океан возьмет.

Это третья сюита из Книги конца,
пятнистый полоз, черный уж и биче
видная змея,

Итак, Бичевидная Змея. Почему бичевидная?
Бичуешь мир? Или себя?

грезилось все ж об Анналах, вот и получай —
анал...

Близятся Дафна дю Мюрье и Хичкок.

Дафна дю Морье и Хичкок пересеклись на
Птицах. А ты из породы поющих ястребов, отсу-
да тебе близка коллизия люди-птицы или птицы-
люди. Насилие и возмездие стоят за ней. Одна
из главных твоих тем.

Я ястребов глажу, и пылью покрыто перо,
нет, не Луна, а пробито их темя и кем?

В фильме Хичкока «Птицы» возмездие
законмерно и зримо, спровоцировано дис-
гармонией в душах людей. Однажды Хичкок
назвал «Птицы» фильмом о самодовольстве
(complacency). Ты сказал об этом мире, где
нету голых, где все забинтованы в джинсы,
через образы птиц:

Под полуцельсным небом не живут снегири...

я же сам ягодами кормил дроздов,
разве они поют необученные, их место —
клетка, я их учил, и что ж?

25

две пичужки, сидя на раме, открытой в сад,
и болтают, смеясь, и посматривают в меня —
миг-миг!

Горизонтальные птицы, ноги поджаты у них
как губы у женщин, и те и те улетают на Юг,

В Токио высадились вороны с размахом крыл
в 1 м.

Их 300 тыс!

И в эпилоге книги «Двери закрываются» ты
признаешься за всех:

...это я виноват за тучи чаек,
что били саблями Эру Рыб.

но и меня унес из жести, —
такой вот и крылообмен...

Вернемся к твоему самобичеванию:

В этот светлый век я один жесток

О твоей жестокости ходят легенды, похожие
больше на сплетни. Что они знают о тебе? Разве
ты виноват в том, что твое детство пришлось на
войну в самом кровавом ее обличье?

Я был сапожок, калигула, бешеный щенок,
танковые дивизии ЭСЭС шли и шли,
к бою готовятся дети-убийцы и
дрессированные псы,
нам дают по бутылки горячей смеси, а псам
повязывают восемь гранат...

И вот мы бежим под танки (дети и псы!),
угол стрельбы танковых пушек выше и нас
не догнать пальбой,
нас сотни, и псы бросаются под гусеницы без
ошибок, взрывы там и сям,
а дети встают во весь рост и бросают в танки
бутыль 1 л. —
пылают! и, ослепленные, месят юные тельца
(мне было 8-9, а вообще-то пяти-тринадцати
лет).

От 200-от к примеру нас остается 3.

Или твоя вина в том, что ты не можешь этого
забыть?

И вот мне снится и снится одно и то ж.
Как бегут по смерзшемуся глинозему эн-эн
тысяч детей,
русскихпольскихеврейскихцыганскиххвен-
герских и пр.

«освобожденных от фашизма стран»,
в шинелях не по росту снятых с убитых
в трофейных башмаках
гигантских, те вылетают с ног, и бегут босиком,
шинели слетают и бегут в одних трусах,
выются снега, ливни стоят столбом,
бьют пулеметы и мины, а мы бежим и бежим,
безоружные...

26

Ты стал поэтом, чтобы упорядочить гармо-
ний внутренней и внешней мир. Ты много сде-
лал. Противостоять Хаосу сложно во все време-
на. Ты смог, Всадник!

«...время, как некая физическая среда, мо-
жет воздействовать на вещество, на ход про-
цессов и связывать между собой самые разно-
образные явления, между которыми казалось бы
нет и не может быть ничего общего». Цитата
из Н. А. Козырева. Мысль астронома утешает уже
тем, что на время как на физическую среду можно
воздействовать и человеку. Поэты (имея в виду и
музыкантов, художников, архитекторов) противос-
тоят дисгармонии, даже если они ее выражают.
У тебя есть жесткие стихи, но стихи. Ты воюешь
со временем поэзией и ты побеждаешь, ибо мир
устоял и развивается. Гармония спасает мир. Про-
сти за очевидные (после Достоевского) выводы.

В твоей книге стихов «Темы» 1965 года ты
уже говорил об этом:

Мой бой — до дыбы, до одежд
смертельно-белых,
напролом,
без оглушительных надежд,
с единой — на перо.

10

Прошли десятилетия. Хотя и о времени надо
бы говорить твоим языком:

Я пел Тому назад 300 млн. лет.

О сколько лет прошло с тех зим
и съедено камней.

Ты не изменил себе. Ты меняешь время.

Их событ, а они опять
встанут, покачиваясь как Ваньки-Встаньки,
бдить.

11

Поющий о смерти — закликает жизнь

Ты сказал одним стихом то, на что прозаики
(имея в виду практиков, ученых, критиков) тра-
тят тома. Жемчуг рождается в муке раковин. И
далее у тебя про раковины — про тех, кто не
рождает жемчуг:

а на поэтов смотрю как на помои, сливаемые
изо рта в рот,
этот «лиризм» и «тепло» их — челюстная
слюна — еще та!
Или же нечто вроде лесбийства — сосанье
грудей — у Нянь.

Твое оружие — поэзия. Тебе обидно, когда
его тулят тупые. Бои без правил между поэтами
не новость. Ты и себя не щадишь в самобиче-
вании:

автор поет как пообанный,
он — Антимир и мутак

А почему? А потому, что так поют камни...
раковины морей... и Антарктида — так.

Как поют? — Не слышно. Молча. Голос непод-
вижных. А как надо? Как птицы, дельфины и Ог-
ненная Земля. Свободно. Стихийно. С неба. Что-
бы было видно, как

замерли листья, тонкообразны, цветы...

27

этот клен из живописи из зубцов,
пронизанный, алый, парашютист,

не разбей! эти ивы снежнозеленые,
аквариум — над ним,
где чередуются шелк, кадмий и ультрамарин...

И будет Небо — необъективно и вольт иглой
тебе Новую Луну...

И ты будешь как прежде со своей седою
головой,

и смотреть, запрокидываясь, блеск
голубых Рыб,
с седою головой — звук горловой.

Звук горловой — пение горцев, вольно летящее
в небо. Тебе, поющий ястреб, оно спасает жизнь.

Архитектоника твоей книги симфонична. Это
не хаос, это четкая структура художественно-
го текста, каждый элемент которой имеет свое
звучание, вместе — полифония, но в движении к
единой цели, как в симфонии. Для читателя ты
сделал все, что мог, чтобы облегчить ее воспри-
ятие, — поделил на три части-сюиты и на фраг-
менты. Обозначил главные темы трех сюит: 1. Не
жди. Нет надежд... 2. Поэт и толпа (Золотой Нос).
3. Конец века (звериное число и перевертыш века
1999 — серебряное начало — «золотой» конец).

У тебя своя музыка:

А я играю на клавишах,
слева басовый, справа скрипичный ключ.
Оба они от двери. (Двери закрываются).

Ты предупреждал:

Не уходи, подожди, пережди уход
первозвучных гамм...

Как мало тех, кто услышал тебя. Но они
есть. Есть способные разобраться хоть в каких-то
аспектах твоего творчества. Слышавшие умножат-
ся по ходу времени. Их будет немного в каждом
поколении, они будут накапливать свое осозна-
ние в виде критических работ, лингвистических
разысканий, синкретических обобщений. Им по-
может твоя Книга пустот и другая проза. Им помо-
жет, надеюсь, козыревское физическое время.

По форме твою Книгу Конца «Двери закры-
ваются» назовут, скорее всего, абсурдистской
поэмой. И от —изма тебе не уйти — абсурдизм.
Термин, конечно, условный и половинчатый —
ты абсурден для тех, кто ленив и не умеет слы-
шать поэзию. Ты прям и логичен для тех, кто
умеет читать ассоциативно. Никакой мистики.
Мистицизм — не твой —изм. Ты жестко делишь
текст на части и составляешь из них стройную
композицию с четким движением мысли — кон-
струкцию, которую можно прочитать. Разумеет-
ся, для адекватного чтения требуется довольно
большой объем информации, но не настолько он
объемен, чтобы его не смог осилить нормальный
читатель. Интернет под рукой, не ленись, чита-
тель, не маши руками, мол, это не для меня.
Для тебя, если ты любишь поэзию, если пишешь
стихи, если твой нос чуткий, а не золотой.

28

Что же касается золотоносных критиков, то
они просто остолбенели от радости, когда ты
подбросил им свой гимн пьянству — 18:

А я б променял эту плодность на бокалы вин
на каждом суку,
чтоб звенели они мерцая как маятники и —
всегда,
и я б ходил просыпаясь и пил допоздна то
коньяк, то бенедиктин,
и было б мне лучше от этого чем от всего.
То ликер шерри-бренди то водку с перцовым
стручком,
то чешский ром то британский джин то виски
без льдин,
и было б мне лучше чем без всего.
Я б променял свою жизнь, полную т. ск. книг
из соловьев и комет
на цистерну сивухи (картофельной!) 70°,
и пил бы из шланга (вот уж где дух, так Дух!),
и мне было б лучше ...

Сейчас золотоносые трусливо помалкива-
ют — боятся ошибиться в признании пьяного пе-
риода в творчестве Сосноры, думая, что в пьяни
он нагородил чего-то и как бы с ним не попасть
впросак. Но подождут-подождут, а только кто-
либо первый признает за новое слово твои пья-
ные откровения, как хлынут потоком шульма-
новские исследования.

Из щели Крыса высовывает свой Золотой Нос, —
не пахну ль я бальзамом? —
о нет, о нет!

Молодец, рано нам умирать! Ты еще напи-
шешь великолепную прозу! Пусть ты уверен, что
время твоей поэзии истекло, но кто знает?... «...я
себя исчерпал, исчерпал, истерлись приемы виде-
ния, внутри — ветры, ушла Франция, истаяла...» —
так ты написал в Книге пустот, книге прозы. А я не
раз ловила себя, что читаю ее нараспев.

О бедный бредный Мир из клаузул,
мне нужен чек на выходы с судьбою,
а я лечу как вынутый кинжал,
в давным-давно покончивший с собою

На этом записки Лидии Добринской о Сосно-
ре обрываются.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13

Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва

ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001

Расчетный счет: 40702810800670000380

БИК: 044525219

Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;
- Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;
- Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;
- Написание новостных блогов по продвижению и продаже продукции;
- Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;
- Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.

Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ
ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы берегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы

www.poetograd.ru,

<http://poetograd1.livejournal.com>,

<http://www.facebook.com/poetograd.vestkonsalting>

Общественный совет

Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана

Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли

Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва),

Дмитрий Цесельчук (Москва)

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместители главного редактора

Владимир Коркунов, Федор Мальцев

Шеф-редактор

Наталья Лихтенфельд

Заместители шеф-редактора

Василий Манулов, Сергей Киулин

Литературный редактор

Ольга Денисова

Компьютерная верстка

Василий Манулов

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Баринин, Наталья Лихтенфельд